

Михаил ЛЕВИТИН
**МОНОЛОГ ОБ
 АКТЕРЕ**

Виктор ГВОЗДИЦКИЙ

Бывают в жизни встречи случайные, а бывают главные. Такая встреча произошла у нас с Гвоздицким. Нельзя сказать, что мы поняли друг друга сразу, привыкли друг к другу так уж быстро, но продолжаем жить рядом, учитывая индивидуальности один другого. О Гвоздицком я слышал много. Я много слышал о нем, когда он работал с Фоменко, и с Шейко в Риге, и в БДТ. Я понимал, что Гвоздицкий актер незаурядный, актер, который обладает редким даром эксцентрики. Актер - в высоком смысле слова обязательный. А потом я увидел Гвоздицкого в спектакле Гинкаса "Пушкин и Натали" и понял, что это - актер такого масштаба, что становится физически похожим на тех; кого играет. В тот вечер он был похож на Пушкина. Чрезвычайно велики способности исполнительские, способности воплотить замысел как-то по-сумасшедшему виртуозно и точно. Вообще, он - редкий артист, способный, как мне кажется, любить и ценить режиссуру. Во всяком случае, я не сталкивался с актерами, которые так бы нуждались в режиссере, притом обязательно в режиссере культурном, т.е. в режиссере определенной формы, определенных требований к актеру. Он любит режиссера, знающего все, он любит учиться, он любит спрашивать. Он - кровопийца в том смысле, что не отпустит своего режиссера, не выпив всей творческой крови. Когда смотрел Гвоздицкого в "Пушкине и Натали", я об этом не догадывался, я не знал, сколько крови мне придется отдать ему. И после спектакля решил начать длительную эпопею приглашения Гвоздицкого к себе в театр. Чем это было чревато? Во-первых, он прошел через целый ряд театров, у него образовались свои представления и привычки, и этого я очень боялся. Он прошел через достаточный театральный уют и порядок. И вот, придя в наш театр, который как бы принципиально находится всегда в процессе формирования, где главным является все-таки беспокойство и творчество, где актеры овладели особым способом существования, он без сопротивления принял новые условия. Надо сказать, что Гвоздицкий воспитан как актер, как театральный человек. Я поражаюсь когда-то его привычке вставать, когда входит главный режиссер театра или постановщик спектакля. Вставал он единственный - что было странно при его положении в театре. А ведь он не весть из какой аристократической среды, и в Петербурге хотя и долго работал, но не родился там в прошлом столетии, и в нем есть все недостатки советского человека. Но тем не менее перед ним очень рано вспыхнул призрак искусства, где-то в городе Кропоткине, откуда он родом, и его увлек. Думаю, что в этом смысле у него было довольно одинокое и сосредоточенное на общении вот с этим призраком искусства детство. Я знал его маму, она преподавала математику в школе, где он учился. Это была совершенно замечательная женщина, которая, по-моему, тоже разглядывала его с огромной любовью и изумлением - откуда такое взялось в ее жизни? Гвоздицкий, без сомнения, явление художественного порядка. Но он не успокаивается тем, что дала ему природа, а тяготеет к мастерству. Здесь, конечно, и режиссура сыграла свою роль, через которую он прошел и которую уважал. Его учителями были и Шапиро, и Гинкас, и Яновская, и Фоменко, и Товстоногов. Думаю, что годы, проведенные в нашем театре, тоже не лишили его каких-то умений, а дали новые. Когда Гвоздицкий пришел к нам в театр, то встал вопрос о том, что ему играть, как ему в театре дебютировать. Совпало это и со страстным желанием моим поставить "Нищий, или Смерть Занда" Олеша. Появление Гвоздицкого давало мне возможность начать практически такую работу. Причем, не ясно было, что ему играть в этом спектакле, а играть он мог любую роль.

Для этого нужно было как-то его загадать, понять его силу. Я знал талант, но не знал его силу. И когда я понял, что он хорошо себя чувствует именно в воображаемом мире, а не в быте, когда я понял, что он способен разделить восторг автора, когда я понял, что он чувствует красоту чужой, не им написанной фразы, и кроме того, обладает неким "черным полем", в его даровании есть нечто запретное, что он способен прорваться в нечто иррациональное, способен быть немного мистическим актером, в нем есть огромная тайна, я дал ему роль Шлиппенбаха. По-моему, совершенно блестящая роль, с трансформациями, странная роль, а Гвоздицкому надо давать только странные роли, требующие оправданий, на которые он способен. Где-то в самом начале на работу нашу были наложены тяжелые длани - сначала анонимные, затем - партийных инстанций - одним словом, мы работу прекратили. Остановив эту работу, мы сразу же начали другую, где Гвоздицкий играл главную роль - это была роль Фадинара в "Соломенной шляпке" Лабиша, которую я для себя определил как водевильного Гамлета. Я думал, существует ли в Гвоздицком легкость, способен ли он на сценический юмор? Потому что по-человечески он бывает иногда слишком трепетен, слишком серьезен, порой излишне мрачно оценивает некоторые ситуации. Но оказалось, Гвоздицкий понимает, что такое прихотливость рисунка, он способен на сумасшедшую по интенсивности внутреннюю жизнь. И самое главное - Гвоздицкий относится к разряду творцов-исполнителей, потому что самая большая его радость - получать от режиссера четкий рисунок (включая внутренний) роли и виртуозно воплотить его. В этом смысле он совершенно уникальный человек. Ему можно доверить судьбу спектакля. Если же говорить о некоторых недостатках, то они зависят от его строения. Он может сыграть все абсолютно точно, но с мрачной окраской, в то время, как нужна легкость. Он тяготеет к декадентской культуре. Поэтому не случайны и эти мерцающие образы, и эта любовь к людям изысканным и не случайно его презрение к хамству. Гвоздицкий не любит "улицу", в этом наше с ним сходство. Оставаясь в сфере культурного духовного существования, он себя прекрасно чувствует. Он сыграл за это время много совершенно замечательных ролей: Фадинара в "Соломенной шляпке", Шлиппенбаха в "Нищем, или Смерти Занда", Мейерхольда в спек-

такле "Мы собрались здесь", Графа Москаре Понтуса в "Мопассане", в спектакле "Дневники королевы", Павлинского в "Скверном анекдоте". Последняя его работа - в спектакле "Вечер в сумасшедшем доме".

Я всегда поражался его умению воздействовать на зал. Мне прежде казалось, что он очень камерный, хрупкий и не позволяет себе простирается дальше первых рядов. Но потом увидел, что он настолько честолюбив, настолько силен, что не допустит, чтобы кто-то не слушал его или не подчинился его актерской воле. Это замечательное актерское качество - бесстрашие. Перед спектаклем волнуется панически, но потом зал держит с огромной силой. Что духовность - это не слова, что существует некая эманация духовности, что духовность способна материализоваться, я понял на пединке, который произошел на одном из спектаклей между ним и зрительным залом.

Гвоздицкий - принципиальный противник всего, что ему предлагают. Он все начинает с полнейшего отрицания. Так было с его кинотемками. Одним словом, это очень сложный, как и полагается художнику, это очень верный искусству, что необходимо для настоящего артиста, это очень исполнительский человек, это интеллигентный человек, это настоящий творец.

Записано Ириной АВАНЕСЯН

такле "Мы собрались здесь", Графа Москаре Понтуса в "Мопассане", в спектакле "Дневники королевы", Павлинского в "Скверном анекдоте". Последняя его работа - в спектакле "Вечер в сумасшедшем доме".

Я всегда поражался его умению воздействовать на зал. Мне прежде казалось, что он очень камерный, хрупкий и не позволяет себе простирается дальше первых рядов. Но потом увидел, что он настолько честолюбив, настолько силен, что не допустит, чтобы кто-то не слушал его или не подчинился его актерской воле. Это замечательное актерское качество - бесстрашие. Перед спектаклем волнуется панически, но потом зал держит с огромной силой. Что духовность - это не слова, что существует некая эманация духовности, что духовность способна материализоваться, я понял на пединке, который произошел на одном из спектаклей между ним и зрительным залом.

Гвоздицкий - принципиальный противник всего, что ему предлагают. Он все начинает с полнейшего отрицания. Так было с его кинотемками. Одним словом, это очень сложный, как и полагается художнику, это очень верный искусству, что необходимо для настоящего артиста, это очень исполнительский человек, это интеллигентный человек, это настоящий творец.

Записано Ириной АВАНЕСЯН